

Социальные реалии: вчера и сегодня

© 1992 г.

М.Н. РУТКЕВИЧ

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ

РУТКЕВИЧ Михаил Николаевич — член-корреспондент Российской Академии наук. Постоянный автор нашего журнала.

Представление о полярности объектов природы, людей и отношений между ними возникло в глубокой древности. Так, китайская философия исходила из противоположности мужских (янь) и женских (инь) частиц, из которых состоит все сущее. В христианской религии жизнь людей рассматривалась как поле извечной борьбы между добром и злом. Естествознание обнаруживало полярность в самых различных областях (электричество, магнетизм и т.д.). Но только в диалектике Гегеля полярность была понята как раздвоение единого на противоположности и «борьба» между ними, как всеобщая черта строения мира и его развития.

Интересующее нас понятие «поляризация» является производным от полярности и, вместе с тем, отличным от него. Оно употребляется в двояком смысле: *статическом*, тождественном полярности, когда фиксируется наличие полюсов и взаимосвязь между ними, и *динамическом*, когда изучается процесс нарастания полярности, или, иначе говоря, роста напряженности во взаимодействии полюсов [1]. В данной статье в центре внимания — *поляризация социальная*, рассмотренная применительно к современному этапу развития общества в нашей стране.

В обществе, пожалуй, наиболее наглядно бросается в глаза противоположность богатства и бедности, сосредоточение роскоши и расточительства на одном полюсе, нищеты и голода — на другом. Возникнув в процессе разложения первобытнообщинного строя, полярность такого рода сопровождает человечество на всем протяжении его последующей истории, принимая самые разные формы, то обостряясь, то, напротив, несколько сглаживаясь. Она стала неизменной темой обществоведения и художественной литературы. В последней особое внимание привлекает дивергенция судеб людей, начинавших в равных стартовых условиях, движение одних вверх по лестнице имущественного благополучия, других вниз. «Толстый» и «тонкий» Чехова — это совсем иные социальные типы, нежели герои романа И. Шоу «Богач, бедняк», но противоположность богатства и бедности равно присуща общественным отношениям России конца XIX и Америки конца XX века.

Однако когда рассматриваемая противоположность находится в близком к статическому состоянию, когда наблюдаются незначительные отклонения в ту или иную сторону — это одно дело. Совсем иное дело, когда процесс поляризации приобретает ярко выраженную динамику.

В современной Великобритании общественное сознание в основном смирилось с наличием глубокого имущественного неравенства, «привыкло» к нему. Согласно данным приводимым Э. Гидденсом в популярном учебнике социологии, в 1987 г. в этой стране 1% населения владел 21% «личного богатства». Если же брать в качестве «верхушки» 5% населения, то на их долю приходится 90% всех акций и они присваивают 16% общего дохода. Более того, 50% (половина!) населения владеет всего лишь 4% акций и получает 5% общего дохода [2].

В нашей стране после Октябрьской революции были сильны уравнивательные тенденции, хотя они сочетались, и чем дальше, тем больше, с растущими привилегиями правящего слоя. На этом социальном фоне в последнее время стремительно развернулся процесс имущественной поляризации. В период «застоя» он протекал в скрытых формах, по мере того, как расширялась сфера «теневой экономики», происходило сращивание мафиозных структур с государственными. Так называемая перестройка, провозглашенная ее главным «проробом» в апреле 1985 г., ускорила процессы социальной дифференциации и поляризации, особенно после принятия в 1988 г. «Закона о кооперации». Этот закон открыл шлюзы для отмывания «грязных» денег, перекачки безналичных средств со счетов предприятий и организаций в наличные, роста дефицита государственного бюджета и инфляции, а, тем самым, обнищания населения.

Инфляция до поры до времени подавлялась, маскировалась искусственно поддерживаемой стабильностью цен в государственной торговле (при одновременном росте дотаций из госбюджета), но обеспечение ассортимента даже основных продуктов питания и промышленных товаров широкого Потребления становилось все более недостижимой задачей. Дефицит превратился в тотальный, захватив столицы и «закрытые» города, а вместе с ним росла спекуляция, в том числе за счет «частных» экспедиций советских граждан в Польшу и другие страны. Становилось неизбежным повышение цен и падение жизненного уровня населения. Попытки планомерного и плавного перехода к рыночным отношениям в 1989—1990 гг. закончились неудачей. Перестройка, как руководимый сверху процесс «обновления социализма», потерпела полный крах, и тогда пришлось перейти к решительным мерам по лечению болезни, глубоко пронизавшей все ткани и клетки социального организма.

Первый скачок цен состоялся весной 1991 г. в результате «павловского» их повышения примерно в три раза. Компенсация в размере 60 руб. на каждого работающего самортизировать удар не могла. Следствием было массовое недовольство населения, которое ускорило падение «центра» под напором давно ожидавших подходящего момента, рвущихся к полной и безраздельной власти элит в союзных республиках. Попытка организаторов августовского путча, обернувшегося жалким фарсом, остановить распад Союза полностью провалилась. Распад великой державы стал фактом, трагедией, последствия которой будут ощущаться на протяжении столетий всеми народами страны.

Далее мы рассмотрим развитие ситуации по преимуществу в Российской Федерации, поскольку статистические данные по другим государствам, образовавшимся на территории бывшего Союза и вошедших в весьма зыбкое образование, каким является СНГ, мало доступны. После нескольких месяцев раздумий, в течение которых кризис нарастал, руководство России стало на путь, который был испробован в Польше и получил название «шоковой терапии» (полагаем, что в наших условиях, столь существенно отличных от польских, он скорее может быть назван «шоковой хирургией»). Поскольку единая рублевая зона сохранялась, другие государства Содружества (а также Грузия и страны Балтии) вынуждены были принять эту стратегию выхода из кризиса, хотя и с некоторым запозданием и поправками. Так, ими предпринимаются попытки ввести купоны и другие заменители рубля, чтобы по возможности отгородиться от России, установить таможенные посты в целях уменьшения вывоза продовольствия

и т.д. Но все эти шаги приводят к дальнейшему разрыву хозяйственных связей и катастрофическому падению производства во всех странах без исключения.

В России в январе 1992 г. была осуществлена почти полная «либерализация» оптовых и розничных цен, которая при существующем монополизме предприятий в сохранившейся структуре экономики означала попросту их повышение, причем не в три, а в 10—20 и более раз. Меры по возмещению ущерба были приняты малоэффективные, да они и не были рассчитаны на полную компенсацию потерь населения. «Гайдаровское» повышение цен и тарифов нанесло подавляющей массе трудящихся сильнейший удар, тем более, что рост дороговизны в течение первых месяцев 1992 г. продолжался; инфляция составляет примерно 1% в день.

Некоторое представление об итоговом эффекте двух актов повышения розничных цен дают подсчеты, выполненные экономистами на основе сравнения номинальных доходов основных категорий Населения с ценами во всех видах торговли (при этом учитывается удельный вес каждого из них в снабжении).

Вот один пример. Если принять уровень жизни в 1986 г. за 1,0, то, как утверждает М. Можина, в октябре 1991 г. он составил 0,6, а к февралю 1992 г. упал для рабочих и служащих до 0,2, а для колхозников — до 0,3 [3].

Эти цифры дают лишь самое общее представление и нуждаются в конкретизации. Прежде всего, надо учитывать, что изменяется структура потребления. Если раньше на продовольствие затрачивалось в среднем до половины зарплаты рабочих и служащих, то в экстремальных условиях доля этих затрат резко возросла, у некоторых групп до 80—90%. Предметы длительного пользования, даже одежда и обувь, стали для них недоступны. Указом Президента Российской Федерации была введена новая «черта бедности», которая устанавливает границу «физиологического выживания» [4]. Согласно новой методике Министерства социальной защиты определило, что в феврале 1992 г. 30 млн. человек, т.е. 20% населения республики находилось за этой чертой [5]; если же пользоваться общепринятой методикой, то за чертой прожиточного минимума оказалось 9/10 населения России¹ [Там же]. В мирное время такого падения уровня жизни история не знала.

Существует мнение, что либерализация цен в этом не повинна, она, мол, горькое лекарство, которое пациент вынужден был принять в начале процесса лечения. Так, д-р экон. наук О. Лацис полагает, что обвинения в адрес либерализации цен, проведенной правительством Гайдара под нажимом советников вроде Д. Сакса, представляющих интересы международных финансовых кругов, — это не более, как один из мифов «консервативной мифологии» [7].

Конечно, болезнь возникла не сегодня, опоздание с диагнозом и выбором методов лечения не может быть поставлено в вину нынешнему правительству. Но правильным ли оказался выбор? Не слишком ли тяжелы социальные последствия шоковых методов? Какие должны быть срочно внесены коррективы в экономическую политику, чтобы остановить падение производства и обнищание основной массы населения? От этих вопросов автор уходит, хотя цифры, приведенные выше, ему хорошо известны как члену редакционного совета журнала, где они были опубликованы.

Между тем, повышение цен на энергоносители в мае ускорило рост розничных цен, ухудшило финансовое положение предприятий, ведет к увеличению численности безработных. Следует также учитывать, что вклады граждан в сберкассы, составлявшие (по СССР) на конец 1990 г. 380,7 млрд. руб. [8], обесценились; по существу, они были конфискованы государством и уже не могут служить амортизатором. Закупленные в конце 1991 г. запасы продуктов к лету уже в основном израсходованы. Таким образом, финансовая и «натуральная» подстраховка перестает действовать. За гранью «физиологического выживания» ока-

¹ На Украине за чертой бедности к концу первого квартала оказалось 80% населения [6].

жуются еще десятки миллионов людей, прежде всего пенсионеров, инвалидов, беженцев, безработных. Катастрофически снижается рождаемость, растет смертность; более чем в половине регионов России в 1991 г. естественный прирост населения выразился в отрицательных цифрах. Родильные дома в крупных городах все чаще пустуют. При дальнейшем ухудшении структуры питания, а для многих просто недоедании, нехватке лекарственных препаратов, бедственном положении больниц неизбежно физическое и нервное истощение народа, что чревато серьезными генетическими последствиями.

Объективное падение жизненного уровня и неверие в возможность скорой стабилизации социально-экономического положения страны находят отражение в многочисленных опросах общественного мнения. Так, по данным Института социологии парламентаризма, регулярно проводящего замеры социального самочувствия по одной и той же методике, доля респондентов, «недовольных жизнью», изменялась следующим образом: 27.02.92 — 65%, 05.03.92 — 68%, 12.03.92 — 69%, 19.03.92 — 73%. Обещания скорректировать курс, данные на VI Съезде народных депутатов РФ, снизили этот показатель незначительно: 16.04.92 — 70%, 23.04.92 — 68%. Удельный вес лиц, заявляющих, что «это невозможно выдержать», возростал: с 34% (27.02.92) до 38% (23.04.92) [9].

Одновременно на другом полюсе общества происходит ускоренное накопление богатства: наличного имущества и получаемых доходов. В обороте кооперативов, фирм, совместных предприятий, бирж, коммерческих банков находятся сотни миллиардов рублей и десятки миллиардов долларов. Э. Гидденс прав, когда утверждает, что «мы знаем намного больше о бедных, чем о состоятельных людях» [2, с. 57]. Если это верно для Великобритании и других стран Запада, где пресса дотошно выясняет размеры состояния миллионеров, а заполнение налоговых деклараций вошло в привычку (уклонение от выплаты налогов карается весьма строго, вплоть до тюремного заключения), то для нас это справедливо вдвойне. О подлинных размерах имущества новых богачей можно только догадываться, равно как и об их доходах. Налоговая система находится в процессе становления, контроля за выплатой налогов вне государственных предприятий и учреждений практически не существует. Данные о том, сколько людей не отягощены заботами о хлебе насущном, можно получить из социологических опросов: 5—10% от общего числа респондентов.

Впрочем, наблюдений «in vivo» накоплено достаточно и в публицистике, и в криминальной хронике. Рестораны столицы по вечерам заполнены до отказа людьми, для которых выложить тысячу-другую за ужин ничего не стоит, ибо это «не деньги». Морские круизы с участием звезд эстрады и телеэкрана собирают «изысканную» публику, которая дорвалась до «красивой жизни» в «своем кругу». На аукционах разыгрывается борьба за обладание квартирами и дачами, магазинами и ателье при стартовых ценах в миллионы рублей. Московская мэрия объявила о планах строительства коттеджей для состоятельных людей в лесопарковой пригородной зоне. В ночных закрытых клубах, на разного рода приемах и презентациях течет своя, особая жизнь, которая приводит в негодование измученных нехватками и борьбой за элементарное выживание рядовых граждан.

Гидденс прав и в другом отношении. Богатые не прочь выглядеть в глазах общественного мнения «как все». Это подтверждается исследованием, проведенным Институтом социологии АН СССР в 1990 г. Респондентам было предложено отнести себя к одному из пяти слоев: высшему, между средним и высшим, среднему, между средним и низшим, низшему. Подобная стратификационная схема принята в западной социологии и статистике при изучении имущественного неравенства. Оказалось, что к высшей группе (более 250 руб. душевого дохода в ценах того времени) себя не отнес никто, хотя, по данным статистики, к этому слою принадлежало 10% населения. Зато совпадение объективного положения и субъективной оценки для двух низших категорий, вместе взятых, оказалось поразительно точным: 24,8% и 23,9% [10]. Заметим, что при

проведении опросов такого рода в инструментарии обязательно надо учитывать склонность высокообеспеченных преуменьшать свое отличие от рядовых граждан. Весьма показательным и другим исследованием, посвященным возможностям использовать рыночные отношения для достижения личного благополучия. При опросе, проведенном в 1991 г. работниками Института социально-политических исследований РАН, 25,2% респондентов заявили, что «такая перспектива меня привлекает» [11]. Это означает, что частота ожиданий на выход в указанный слой примерно в 2,5 раза выше, чем реальное нахождение в нем.

Каково же *социальное значение* поляризации населения нашей страны по уровню дохода, каков ее *социальный «срез»* сегодня?

Социальный «срез» требует конкретизации привычных для нашей статистики категорий «рабочие» и «служащие». Обычно под ними понимается вся совокупность лиц наемного труда, занятых на государственных предприятиях и в учреждениях. Сюда входят собственно рабочие, служащие (лица относительно менее квалифицированного умственного труда), различные слои и отряды интеллигенции (в социологическом, а не в модном культурологическом смысле, когда под интеллигенцией понимают слой критически мыслящих личностей, обладающих к тому же особо высокой нравственностью, этакими духовными лидерами нации), иначе говоря, это специалисты, имеющие высокий уровень подготовки и профессионально занимающиеся высококвалифицированным умственным трудом.

Следует подчеркнуть, что от «павловского», а затем «гайдаровского» повышения цен различные отраслевые и профессиональные отряды работников наемного труда пострадали в неравной степени, а некоторые даже выиграли. Рабочие важнейших базовых отраслей (шахтеры, нефтяники, транспортники и т.д.) стачками или угрозой «выбивают» для себя сверхвысокие ставки и оклады, а также право реализации части продукции по свободным ценам внутри страны и на внешнем рынке. Доменные печи Магнитогорска и Череповца нередко простаивали из-за отсутствия кокса, в то время как коксующийся уголь продавался на сторону; из-за недостатка нефтепродуктов в ряде регионов срывались сроки посевной кампании, стоял грузовой автотранспорт, а нефть, мазут, солярка, бензин реализовались в частном порядке и за рубежом. Руководствуясь групповыми эгоистическими интересами, руководители предприятий ряда отраслей закупают по бартеру за границей не оборудование и запчасти к нему, а подержанные автомашины, «видики» и т.п., значительная часть которых затем идет на перепродажу по спекулятивным ценам.

В наихудшем положении оказались работники бюджетных отраслей, повышение зарплат которым требует административного решения на республиканском или местном уровне. Эти решения в условиях растущей инфляции и отсутствия средств заранее сориентированы на отставание, т.е. на систематическое понижение реальной зарплаты. Правительство России официально заявило, что для этих категорий трудящихся оно стремится «не допустить отставания заработной платы от роста цен более, чем на 30—40%» [12]. Это касается учителей, медицинского персонала, работников научных учреждений и вузов, государственных служащих низшего и среднего звена и т.д. Сюда же можно отнести пенсионеров, получателей пособий, студентов и учащихся техникумов. Так, 90% студентов абсолютно не удовлетворены своим материальным положением [13]. Дальнейший рост цен поставит эти многочисленные слои населения в еще более трудные условия. Принятые под давлением снизу меры по увеличению с мая с.г. заработной платы учителям и врачам в 2,6—2,7 раза, а также установление минимальной зарплаты и пенсий на уровне 900 руб. могут лишь временно улучшить положение данных категорий. Требование довести оплату труда этих слоев до уровня средней зарплаты в промышленности остается нереализованным.

Заслуживают внимания подсчеты, сделанные проф. А. Первозванским из

Петербурга весной 1992 г. Если за два года цены возросли в среднем в 20 раз (на продовольствие — в 25 раз, одежду и обувь — в 15—20 раз, на транспорт и отопление — в 5—7 раз), а объем производства потребительских товаров и предоставляемых населению услуг уменьшился на 15—20%, то «сумма благ распределяется почти прежняя, но по-новому» [14]. «Кто же выиграл, кто проиграл в результате „демократической революции“ 1991—1992 гг.?» — задается вопросом автор и отвечает следующим образом: «Зарплата в промышленности возросла более чем в 10 раз, а в сырьевых и в базовых отраслях и на автотранспорте, взимающих ренту с общенационального достояния, — в 20—30 раз. Доходы торговли и сферы услуг, не говоря уже об оптово-биржевом звене, где действуют прежняя номенклатура и ее наследники, поднялись в 30—50 раз. Реальные доходы работников сельского хозяйства увеличились в 10—15 раз. Даже пенсионеры начинают получать в 3—4 раза больше, чем ранее. Кто же на последнем месте? Интеллигенция, чей уровень зарплаты повысился в среднем не более, чем втрое» [Там же], методика подсчетов автором не сообщена; не учитывает он также ряд категорий, в том числе выросшего, как на дрожжах, слоя уличных торговцев и продавцов в коммерческих магазинчиках и ларьках, заполненных импортными товарами, продаваемыми по бешеному ценам. Этот вид торговли монополизирован частным капиталом, что наглядно видно, например, в организации доставки с юга цветов (прежний босс этого промысла И. Таги-Заде перенес накопленный опыт на кинопрокат). Здесь доходы по 500—1000 руб. в день для рядового исполнителя не считаются чрезмерными. Но общая картина схвачена автором верно. С той поры положение ухудшилось.

Неудивительно, что в условиях, когда квалифицированный труд обесценен, становится массовым стремление его носителей покинуть страну, то ли на время, то ли навсегда. Пока что эмиграция существенно сказалась на численности таких национальностей, как евреи и немцы, возвращающихся на свою историческую родину, покинутую столетия назад. Среди социально-профессиональных групп эти стремления наиболее ярко выражены у научных работников, которые находят за рубежом не только несравненно более высокую оплату труда, но и условия для творческой деятельности, особенно в экспериментальных областях. Тревожное положение в институтах Российской Академии наук нашло отражение в докладе ее президента на годичном собрании в апреле 1992 г. Дальнейшее унижение и упрощение процедуры выезда приведут к массовой «утечке мозгов» (равно как «умелых рук»), что существенно скажется на будущем развитии страны. Данные опросов свидетельствуют, что в Москве ориентированы на эмиграцию 10% ученых.

Мы не будем здесь касаться положения всех социальных групп, отрядов, слоев. Отметим только катастрофическое снижение жизненного уровня и статуса офицерского корпуса, т.е. военной интеллигенции, которая превратилась из сравнительно обеспеченной и высокопочитаемой социальной группы в остро нуждающуюся, плохо обеспеченную жильем по причине вывода войск из стран Восточной Европы, Балтии и ряда республик СНГ, в значительной части подлежащей увольнению в запас вследствие сокращения армии и флота, крайне пессимистически расценивающую свои перспективы. О мелких частных собственниках и люмпенах речь впереди.

Перейдем теперь ко второму полюсу противоположности и рассмотрим вопрос о социальной природе групп и слоев, в чьих руках сконцентрирована возрастающая доля общественного богатства. В процессе формирования нового, господствующего в экономике и политике класса легко различимы два социальных источника, потока, которые постепенно сливаются, хотя между ними и существуют известные противоречия.

Во-первых, это значительная часть старой партийной, государственной, хозяйственной элиты, воспитанной, как теперь нередко выражаются, административ-

но-командной системой. Директорский корпус по существу остался прежним. Министерства хозяйственного профиля стали республиканскими и частично преобразованы в разного рода концерны, объединения, ассоциации; их аппарат даже возрос. Секретари ЦК компартий союзных республик превратились в президентов, аналогичные «пересадки» совершились на всех нижестоящих уровнях; не обошлось, конечно, и без персональных «потерь». «Идеологическая оболочка» сменилась безболезненно, поскольку разлад между официально провозглашаемыми лозунгами и реальной политикой стал нормой после принятия хрущевской программы построения основ коммунизма за 20 лет. Серьезные люди с немалым административным опытом верить подобным обещаниям, конечно, не могли.

Новый расцвет популизма наступил в «эру Горбачева». Многие его обещания (например, обеспечить каждую семью отдельной квартирой или домом к 2000 г.) с самого начала не внушали доверия, а в 1988—1989 гг., когда страна скатывалась к кризису, возбуждали в народе разочарование в КПСС, от имени которой провозглашались эти явно несбыточные посулы. Не помогла и активная позиция той части академической элиты, которая прославляла горбачевскую перестройку. Так, акад. А. Аганбегян, в отношении которого нельзя предположить недостаточную информированность о реальном положении дел в стране, в 1989 г. (!), когда кризисное положение экономики стало общеизвестным фактом, заверял читателей в изданной 100-тысячным тиражом брошюре, что «страна должна достичь самого высокого в мире уровня жизни по всем его основным компонентам... Крупнейшим шагом на пути достижения этих исторических задач является период до 2000 года. Полное же их решение... может быть осуществлено к 100-летней годовщине Октябрьской революции в 2017 году» [15].

Поскольку борьба республиканских правящих кругов с центром за ликвидацию СССР шла под лозунгами критики устаревшей и прогнившей административно-командной системы, против «партократии», за «демократию», в высшие эшелоны власти пробилось немалое число «демократов», получивших посты министров, советников президентов, послов в зарубежных странах и т.д. В отдельных регионах России, таких, как Москва или Петербург, они даже заняли ключевые позиции. На Украине старую номенклатуру несколько потеснил «Рух» с его открыто националистической идеологией и сепаратистской программой. Сходные процессы с разной степенью интенсивности шли и идут в других государствах Содружества, во многих бывших автономиях (Татарстан, Чечня). Новая поросль бюрократии, сделавшая карьеру на «борьбе с привилегиями», охотно унаследовала спецобслуживание во всех его формах: дачи, санатории и больницы IV Главного управления; квартиры в домах повышенной комфортности; возможности отправляться в загранкомандировки за казенный счет и т.п. Стоит отметить два пункта, по которым предшественников удалось даже «превзойти».

Это, во-первых, сращивание бюрократии с коммерческими структурами, что дает ей возможность получать вроде бы "законные" доходы. Как известно, запреты на совмещение постов и выборных должностей с занятием частным бизнесом не действуют. Во-вторых, это невиданный даже для нашей страны, где взяточничество искони процветало, размах коррупции государственного аппарата. Указ Президента о борьбе с коррупцией от 4 апреля с.г. не соблюдается. Есть с кого брать. Отечественные коммерсанты в большинстве своем идут на дополнительные расходы по подкупу власть имущих, рассчитывая, что убыток так или иначе будет возмещен. По свидетельству крупного московского биржевика К. Борового, предприниматели в России «выплачивают 1—2% своего дохода частным рэкетирам, а от 10 до 20% — бюрократическому рэкету, т.е. чиновникам» [16]. Но всякому терпению есть пределы. Тот же Боровой на пресс-конференции открыто обвинил столичную мэрию в коррупции. В ответ мэр Г. Попов цинично предложил «ввести тариф за услуги» чиновникам в размере «скажем, 10—20% от стоимости сделки», т.е. в рамках «сложившихся пропорций» [17].

С иностранных бизнесменов взятки берут в СКВ по определённой таксе, подчас даже в учреждениях, призванных вести борьбу с коррупцией. Так, в Прокуратуре РФ была установлена плата за интервью иностранным корреспондентам, дифференцированная в зависимости от ранга чиновника. Оттуда же секретные документы следствия (плёнки с допросами членов ГКЧП) попали в руки западных корреспондентов за весьма умеренную мзду: 2 тыс. долл. США и 3 тыс. немецких марок [18].

Оба источника доходов переплетаются самым загадочным образом. Пример: заключение договора с французскими фирмами о долгосрочной аренде большого участка земли в центре Москвы для строительства бизнес-центра. Правда, возмущённые жители домов, предназначенных на снос, сорвали закладку камня под фундамент первого здания. Роль в этом деле чиновников мэрии и ее главы остается пока тайной за семью печатями.

Слой правящей бюрократии растет и в численном отношении. Например, в Минсельхозе СССР было занято 800 человек, в Минсельхозе РФ — 2 тыс. В каждой из бывших союзных республик, а вслед за ними в бывших автономиях, следующих совету «брать столько суверенитета, сколько сможете проглотить», разрастаются управленческие структуры со своим штатом и обслуживающими учреждениями, призванные выполнять многие функции, ранее принадлежавшие центру. Новая бюрократия в республиках, вбирая в себя часть кадров старой, усиленно пополняется за счет стремящихся поскорее заполнить властные структуры и средства массовой информации представителей интеллигенции «коренных» национальностей.

Другой источник формирования новой элиты — буржуазия, переживающая сегодня в нашей стране эпоху первоначального капиталистического накопления, притом в невиданно благоприятных, тепличных условиях, созданных сначала «прорабами перестройки», а затем их «демократическими» наследниками. Она выбрала в себя бывших и настоящих «теневиков», однако на первый план уже выдвигаются бизнесмены новой формации. Это, как правило, сравнительно молодые люди, получившие хорошее образование, освоившие правила бизнеса, умеющие обращаться с оргтехникой, тесно связанные с международными деловыми кругами. Новая генерация буржуазии в очень малой степени вовлечена в производительную сферу, ее основные интересы сосредоточены на торговых и посреднических операциях.

Крайне заниженный курс рубля по отношению к доллару при отмене монополии внешней торговли и весьма слабом контроле при выдаче лицензий создают сказочные возможности для быстрого обогащения и консолидации прибылей в «твердой» валюте, недвижимости, золоте, драгоценностях. Наша буржуазия является *компрадорской*. Она привязана к международному капиталу и стремится получить «свою» долю при начавшейся распродаже сырья (уже добытого и пока еще не извлеченного из недр), других ресурсов, земли и средств производства, научно-технического потенциала, а также эксплуатации исключительно дешевой (при переводе в доллары или марки заработная плата при данном обменном курсе просто нищенская) и достаточно образованной рабочей силы. Не брезгает она сомнительными операциями при продаже за бесценок приобретенного тайком сырья и просто незаконными операциями при продаже оружия и вывозе произведений искусства.

Переломным в становлении необуржуазии был 1988 г., когда, изверившись в предлагавшихся способах спасения экономики, Горбачев и его окружение пошли на принятие Закона о кооперации, надеясь с его помощью повторить в новых условиях осуществленный Лениным после окончания гражданской войны переход к нэпу. Однако этот закон открыл двери не для производственной кооперации и «обновления социализма», а для капитализации страны. «Проталкивавшие» его представители академических кругов впоследствии признавались, что им удалось обвести Президиум Совмина СССР вокруг пальца под звонкие

речи о "цивилизованных кооператорах». Тем самым был открыт путь для грабежа казны, для перекачки средств со счетов предприятий и организаций в карманы ловких людей и для беспрепятственного получения банковских кредитов, которые не возвращались. Уже ослабленная популистскими мерами по повышению ставок и окладов (без соответствующего роста производительности труда и увеличения объема производимых для насыщения потребительского рынка товаров и услуг) сфера денежного обращения была окончательно подорвана. Надежды на кооператоров, как производителей товаров и услуг, оправдались в минимальной степени. Кооперативы ринулись в сферу посреднической деятельности, тем более, что правительство не позаботилось о создании действенной налоговой системы и инспекции.

Наиболее привлекательной сферой, дающей возможность быстрого обогащения, поистине «золотым дном», оказались операции — легальные, полуполигальные и нелегальные — по вывозу из страны сырья, металлов, электротехнических и радиотоваров, продаваемых по демпинговым ценам, и ввозу компьютеров, оргтехники, видеоаппаратуры, разного рода ширпотреба с перепродажей по высоким ценам внутри страны. Колоссальные прибыли, получаемые столь простым способом, — следствие доставшейся от прошлых лет «перекошенной» системы цен, крайне заниженного курса рубля и отмены монополии внешней торговли.

Кооперативные «штаны», однако, вскоре оказались для буржуазии «узкими». Новый этап расцвета подобной деятельности, не приносящей пользы народному хозяйству, начался, когда правительством России было разрешено бастовавшим шахтерам Кузбасса (как поощрение в борьбе против Центра) продавать часть угля по свободным ценам на внутреннем рынке и за валюту — на внешнем. Вслед за шахтерами аналогичное разрешение было дано нефтяникам, металлургам, бумажникам и т.д. Так появились многочисленные товарные биржи. Там продается всего 3% производимой в странах СНГ продукции, но эти базовые ресурсы (топливо, лес, зерно, металлы и т.п.) определяют стоимость всех товаров. Биржевые цены являются ориентиром при заключении прямых договоров и бартерных сделок. Развитие товарно-денежных отношений между производителями потребовало организации коммерческих банков, которые в условиях инфляции даже при высоком уровне выплачиваемых дивидендов перекрывают их еще более высоким процентом за выдаваемые ссуды. Центр предпринимательской активности переместился на биржи и в банки.

Однако вкладывать капиталы в развитие производства отечественная буржуазия не спешит, выжидая обвальную приватизацию средств производства. Накопленные средства переводятся в СКВ и помещаются в зарубежные банки, где им обеспечена полная сохранность и растут проценты. В то время, когда Внешэкономбанк задолжал зарубежным экспортерам миллиарды долларов, когда наши торговые суда задерживают в иностранных портах из-за неплатежеспособности пароходств, когда не хватает средств на закупку самого необходимого: продовольствия, лекарств и сырья для фармацевтической промышленности, запчастей к импортной технике, в том числе городского транспорта, на счетах в швейцарских и прочих заграничных банках, по сведениям западной прессы, скопилось от 12 до 20 млрд. долл., принадлежащих частным лицам из нашей страны [19].

В текущем году приватизация основных средств производства в РФ должна начаться. В парламенте, научных кругах, печати продолжают споры о том, как ее осуществить: какая часть стоимости заводов и фабрик в виде «привилегированных» акций (без права голоса) отойдет трудовому коллективу, какая часть и кому станет продаваться, откроют ли личные приватизационные счета всем гражданам и в каком объеме, что можно пустить на аукцион и т.д.

Предугадать, как в деталях будет проходить этот процесс, невозможно. Но, во-первых, уже ясно, что правительство РФ пойдет на «обвальную» быстротечную приватизацию. Хотя опыт Польши, а также ЧСФР, Венгрии и других

стран свидетельствует, что даже при осторожном и постепенном превращении государственных предприятий в частные возникают большие трудности, наблюдается спад производства, растет число безработных. Эти последствия будут у нас более тяжелыми.

Во-вторых, определение балансовой стоимости средств производства в условиях галопирующей инфляции определить весьма сложно. Исходить из стоимости в прежних рублях — значит распродавать народное достояние по дешевке. Председатель специально созданного для этой цели Госкомимущества А. Чубайс в одном интервью заявил, что в 1992 г. предполагается приватизировать 20—25% всего государственного имущества, и казна выручит за него... 92 млрд. руб. [20]. Поскольку речь идет о рублях «образца 1992 г.», государство выручит поистине смехотворную сумму — порядка 1 млрд. долл.! При такой «приватизации» вся страна будет продана за бесценок

Выиграют от такой грандиозной распродажи прежде всего и главным образом те, в чьих руках сегодня сосредоточены деньги и власть. По-видимому, большой кусок отхватят директора заводов и руководители вышестоящих органов хозяйственного управления («номенклатурная приватизация»). Вполне вероятно, что пирог достанется владельцам капитала, независимо от его происхождения. Аукционы им особенно выгодны. Но в любом случае основная масса рабочих и служащих получит крохи, да и те быстро уплывут из их рук. Любые ценные бумаги в условиях обнищания будут реализованы в кратчайший срок, акции проданы, средства с приватизационных личных счетов пойдут на выкуп жилья и т.д. Через несколько лет, дай Бог, чтобы в распоряжении половины населения России остались те 4% акций, которыми она ныне владеет в Британии. Социальная поляризация в результате проведения такой приватизации, безусловно, ускорится. Впрочем, нельзя исключать и возможность изменения экономической политики под крепнущим нажимом снизу, со стороны людей наемного труда.

Рассмотрим теперь две стороны процесса социальной поляризации, о которых много пишут в социологической литературе последних лет. Одна обусловлена «растягиваниями» полюсов и выражается в «заполнении пространства» между ними «средними слоями». Другая связана с выпадением на дно общества своеобразного «осадка» — люмпенских элементов, численность которых при ускоренном обнищании масс возрастает.

Очень четко точка зрения на эти процессы была выражена д-ром юрид. наук А. Собчаком. Нам она представляется весьма спорной. В интервью «Комсомольской правде», пугая читателей «красно-коричневой» опасностью, А. Собчак указал на «люмпен-пролетариат», «люмпен-интеллигенцию», «люмпен-пенсионеров» как на социальную базу фашизма и выразил надежду на скорое преобразование социальной структуры общества, в результате которого «преобладающее место занимал бы средний класс, олицетворяющий надежность и требующий гарантий» [21]. Итак, *люмпенизация населения и формирование среднего класса* — таковы актуальные проблемы развития социальной структуры общества в современных условиях, требующие специального анализа.

Рассуждая о люмпенизации общества или его составных частей, необходимо уточнить дефиниции. Люмпены (от нем. Lumpen — лохмотья) — это «бродяги, нищие, уголовные элементы» [22]. Нищие — это люди, «живущие подаянием» [23]. Следовательно, обнищание рабочих, служащих, врачей, учителей, научных работников и т.д., поскольку они продолжают добывать хлеб насущный собственным трудом, не означает их превращения в нищих, как таковых, т.е. в разновидность люмпенов. Для люмпенов (в русской литературе начала века их обычно называли босьяками) возможен, как известно, и другой путь добывания средств к жизни — «урывание» от общественного продукта «своего куска» с помощью кражи, разбоя, разного рода жульничества. Таким образом, люмпены смыкаются с уголовными элементами и частично переходят в эту категорию.

Периоды общественных бедствий всегда сопровождаются ростом численности и агрессивности люмпенских слоев. В России во время революции и гражданской войны из-за всеобщей разрухи и нищеты и при обилии на руках у населения оружия люмпенство стало массовым и чрезвычайно опасным социальным явлением. Известные строки А. Блока из поэмы «Двенадцать»: «Запирайте етажи, нынче будут грабежи» перекликаются с ленинской характеристикой: «босаяцкие и полубосаяцкие элементы, проникнутые одним желанием „хапнуть“ и уйти» [24].

Сегодня Россия снова переживает полосу бедствий, и нет ничего удивительного в том, что люмпенские слои растут и нагнетают. Молодые и крепкие парни все чаще становятся на путь уголовщины. Только за первый квартал 1992 г. число зарегистрированных преступлений в РФ возросло, по сравнению с тем же периодом прошлого года, на 35,8%; причем более половины зарегистрированных преступлений не раскрывается [25], а значительная их часть, особенно таких, как воровство и хулиганство, даже не учитывается. Уголовная хроника заполонила страницы газет, запугивая обывателей и одновременно снабжая их бесплатными советами типа: «запирайте квартиры», «не открывайте дверь незнакомым людям», «покупайте баллончики со слезоточивым газом» и т.д.

В изучении люмпенизации и выяснении ее причин художественная литература и телепублицистика опережают социологию. Повести С. Каледина «Смирненное кладбище», «Поп и работник», сюжеты А. Невзорова, снятые в Петербурге на городской свалке, — это такие социальные «картины», равных которым по убедительности в научных журналах пока нет. Состоявшаяся весной 1992 г. в Институте социально-политических проблем РАН конференция, посвященная нищим и бездомным, «сломала лед»; ее материалы должны быть вскоре опубликованы.

Рост численности люмпенов — несомненно, следствие разгула рыночной стихии, «дикого» капитализма при явном ослаблении деятельности правоохранительных органов. Последние дезориентированы законодателями: исключены из Уголовного кодекса статьи, осуждающие за спекуляцию и многие хозяйственные махинации, смягчены правила прописки и т.д. Возможности милиции в борьбе с жуликами, бродягами, попрошайками, проститутками резко сократились.

Но означает ли это, что рабочих, продолжающих трудиться на шахтах, заводах, фабриках, крестьян, которые сеют хлеб и выращивают скот, интеллигентов, которые учат детей, лечат больных, создают новую технику, следует относить к люмпенам? На наш взгляд, это неправомерно. Обнищание при непрекращающемся профессиональном труде, который остается основным источником средств существования, вовсе не есть «люмпенизация». Столь же произвольно и оскорбительно зачислять в люмпены пенсионеров, которые получают свою, действительно сократившуюся долю благ от общества. Но это не милостыня, а вознаграждение за труд, а у многих и за кровь, которые были отданы стране. Таким образом, высказывание о «всеобщей люмпенизации» — не что иное, как одностороннее и поэтому неверное, подчиненное определенным политическим целям отображение реального процесса «выпадения на дно».

В том же смысле, что и люмпенизация, стал использоваться другой термин — «маргинализация». Маргинальный означает «находящийся на краю». В социологии под маргинальными слоями обычно понимают либо пограничные слои между основными элементами социальной структуры, либо слои, находящиеся «на краю» общества, как системы устойчивых связей между социальными группами. В современной литературе чаще речь идет о маргинальности и маргинализации во втором смысле. Например, французский исследователь А. Фарж пишет, что «маргиналами стали называть тех, кто либо сам отвергает общество, либо оказывается им отвергнутым» [26]. В этом значении понятие «маргинал» достаточно близко понятию «люмпен». Разумеется, слой «отверженных» никак не может быть равен обществу как таковому, ибо общество не может отвергнуть самое себя. Тем не менее стало модно писать о «всеобщей маргинализации»

общества. Например, в 1989 г. Е. Стариков утверждал, что в СССР происходила «быстрая маргинализация общества, охватившая... все его „этажи“» [27, с. 157]. Правда, по его мнению, маргинализация — «понятие прежде всего социально-психологическое» [Там же, с. 133]. Подобная трактовка избавляет от необходимости обращаться к фактическим данным о социально-экономическом положении рабочих, крестьян, интеллигенции, которых автор еще до наступления острого кризиса и распада СССР оптом зачислил в маргиналы.

Обратимся теперь к понятиям «средние слои» и «средний класс». Они предполагают наличие полюсов, а где-то посередине находятся эти самые «средние», как бы далее их ни определять, какой социальный смысл в данное слово ни вкладывать. В западной статистике и социологии весьма распространено представление о среднем классе, связанное с уровнем дохода. Выше мы уже касались этой трактовки, она далеко не безупречна, но полезна для анализа социального неравенства. Однако и при таком понимании «среднего класса» буржуазия, будучи обладательницей высоких доходов, в него не включается.

Более продуктивно представлять средние слои общества, как располагающиеся между капиталистами и людьми наемного труда. Обычно разграничивают «старые» и «новые» средние слои. Первые состоят из мелких частных хозяев: крестьян (фермеров), ремесленников, кустарей, мелких лавочников и т.д., привлекающих к труду членов своей семьи, т.е. классической мелкой буржуазии. Развитие производства и сферы услуг приводит к вытеснению мелкого хозяйства крупным, сокращает численность этого класса, его удельный вес в экономике и политике. Однако мелкое производство продемонстрировало значительно большую устойчивость, чем предполагали многие марксисты в начале XX века. В ряде отраслей оно и сегодня оказывается достаточно эффективным, поскольку «окружено» крупным, находится от него в зависимости и дополняет его, получая нередко солидные дотации от государства (фермерские хозяйства в ЕС, высокие цены на рис в Японии и т.д.). Надо также учитывать, что мелкий производитель спасается от разорения за счет высокой интенсивности труда, весьма продолжительного рабочего дня, отсутствия оплачиваемых отпусков и т.п.

В развитых странах Запада наблюдается быстрый рост «новых средних слоев», включающих в себя значительную часть государственных служащих, преподавателей средней и высшей школы, инженеров, ученых и других специалистов, продающих свою рабочую силу на особых условиях, а также лиц свободных профессий, менеджеров «среднего звена» и т.п. Сейчас они многочисленнее «старых средних слоев», их роль в экономике и политике возрастает. Эти факты были односторонне истолкованы некоторыми социологами, еще в 50-е годы провозгласившими, что «западное общество превращается в огромный средний класс», а в отношении США, что «все мы являемся членами среднего класса» [28]. Эти взгляды были подвергнуты обоснованной критике и к настоящему времени потеряли популярность.

Сегодня в нашей стране происходит возврат к социальной структуре общества периода нэпа или даже дореволюционной России. Возрождается, в частности, класс мелких частных собственников: владельцев небольших магазинов и мастерских, фермеров и т.д. Масштабы этого процесса пока невелики, но «процесс пошел...». Куда он нас заведет, покажет время. Ясно, что возрождение мелких собственников связано с возрождением буржуазии, поскольку они всегда были и являются для нее естественным резервом роста. Что же касается социальных групп, входящих в «новые средние слои» на Западе, то в наших условиях это отряды интеллигенции, находящиеся на службе государства и испытывающие чуть ли не наибольшие экономические невзгоды, а также работающие по временным контрактам. Известная часть технической, научной, гуманитарной интеллигенции вошла в коммерческие структуры, но лишь немногие достигли статуса, позволяющего рассматривать их как владельцев капитала.

Изменения в социальной структуре российского общества, находящегося на

весьма крутом переломе истории, безусловно, требуют осмысления, а также накопления и обобщения эмпирического материала, в том числе добытого социологией, сопоставляющей объективные показатели с самооценкой своего социального положения, идентификацией опрашиваемых с определенными социальными слоями. Здесь, как никогда, нужны методологическая ясность, точность в определении понятий, взвешенность оценок.

Вряд ли удовлетворяет этим требованиям статья В.А. Ядова «О социальных процессах перестройки», вышедшая в 1991 г. в одном из ведущих общественно-политических журналов [29]. Коснемся только одного вопроса — о соотношении «среднего класса» и буржуазии. Автор утверждает, что «средний класс» в нынешних условиях «формируется в двух основных типах: в своей *традиционной буржуазной разновидности* (выделено мною. — М.Р.) и как новый средний класс, независимый и противоположный и бюрократии, и плутократии» [29, с. 67]. Автор не жалеет похвал для характеристики этого класса и его представителей: «высокообеспеченный, информированный, умелый, деятельный», «инициативный и предприимчивый работник», «инновационный тип личности» [Там же]. Перечисляя социальные группы, из которых данный класс формируется, автор упоминает рабочих, крестьянство, интеллигенцию. Как же соотносится «новый средний класс», для которого «судьба перестройки неразрывно связана с его собственной судьбой» [Там же], с буржуазией? Единственное упоминание о последней содержится в высказывании, приведенном выше. Таким образом, для В. Ядова буржуазия — часть «среднего класса», который состоит из буржуазии («по традиции») плюс нечто вроде «нового среднего класса».

Подобные теоретические построения, независимо от субъективного желания авторов, по сути, являются переименованием буржуазии, служат своеобразным ее прикрытием, поскольку большинство населения привыкло относиться к этому слову с опаской. И это несмотря на упорное и хорошо оплачиваемое стремление средств массовой информации представить дореволюционных купцов и фабрикантов сплошными меценатами и радетелями народных интересов, а гг. К. Борового, А. Тарасова, Г. Стерлигова и иже с ними спасителями России от надвигающейся национальной катастрофы.

Такой же оценки заслуживают игры вокруг понятия «третье сословие». Оно имело вполне определенный смысл и точное значение во Франции конца XVIII века, когда дворянству и духовенству противостояли народные массы, включая нарождающуюся буржуазию. Уже во время революции началась резкая дифференциация интересов третьего сословия, которая нашла политическое выражение в борьбе якобинцев и жирондистов. В дальнейшем этот термин сохранил лишь историческое значение. Попытки возродить его в России конца XX века производят комический эффект. Они призваны представить новую буржуазию как часть народа, имеющую общие интересы с массой наемных работников, и тем самым дезориентировать общественное мнение. Начатое А. Аджубеем издание газеты «Третье сословие» — пример активизации попыток такого рода. Они обречены на провал, поскольку люди на собственном опыте ежедневно постигают, что интересы спекулянта и рабочего, биржевика и вузовского профессора весьма противоположны.

Социальная поляризация будет продолжаться, несмотря на известные коррективы, которые российское правительство вынуждено вносить в свою экономическую политику, в главных чертах определяемую диктатом международных финансовых кругов, в частности, условиями МВФ по предоставлению кредитов. Коррективы эти к маю 1992 г., когда пишется статья, стали абсолютно неизбежны. Задолженность предприятий по текущим операциям превысила триллион руб., нет денег, чтобы рассчитаться с поставщиками и выплачивать зарплату. Продолжение жесткого монетаристского курса приведет к массовому закрытию предприятий и росту безработицы, измеряемой не сотнями тысяч, а миллионами человек.

Раскручивание инфляционной спирали становится неизбежным, причем темпы его возрастают. При отказе правительства от индексации зарплаты и сбережений это может означать только одно — снижение жизненного уровня 90—95% населения. Обещания достичь к лету 1992 г. внутренней конвертируемости рубля и стабилизации экономики во второй половине или к концу текущего года не выполнены. Им не верили ни независимые специалисты, ни население.

Так, например, директор Экспертного института Российского союза предпринимателей Е. Ясин советует нынешнему правительству «не давать нереалистических обещаний... Не надо настаивать, что мы добьемся стабилизации к концу этого года. Если добьемся в середине или к концу будущего года — это было бы успехом» [30]. В другом интервью этот знающий экономист делает следующий вывод: «Многим на жизнь будет едва хватать еще 1,5—2 года» [31]. Пессимистические выводы содержатся и в докладе Центра экономических и политических исследований, возглавляемого автором Программы «500 дней» Г. Явлинским: экономическая стабилизация провалилась, экономика находится на грани гиперинфляции, неудовлетворенность населения нарастает [32]. Служба проф. Б. Грушина отмечает: в обществе господствует убеждение, что падение уровня жизни населения будет продолжаться (как минимум) до конца текущего года [33].

Тема статьи не исчерпана, выход из кризиса не найден, путь дальнейшего развития обществом еще не определен. Противоречивый процесс социальной поляризации, его прямая зависимость от поворотов экономической и социальной политики, от борьбы общественных сил потребуют возвращаться к проблеме неоднократно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руткевич М..Н. Социальная дифференциация и интеграция // Вести. Академии наук. 1991. N 1.
2. Гидденс Э. Социология. Челябинск. 1991. С. 57.
3. Можина М. Бедные, где проходит черта? // Свободная мысль. 1992. N4. С. 13.
4. Гонтмахер Е. Что может государство дать бедным? // Независимая газ. 1992. 17 апр. С. 5.
5. Известия. 1992. 20 февр. С. 1.
6. Правда. 1992. 15 апр. С. 1.
7. Лацис О. Фигура умолчания в консервативной мифологии // Известия. 1992. 14 апр. С. 1—2.
8. СССР в цифрах в 1990 году. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 128.
9. Известия. 1992. 23 марта. С. 3; Известия. 1992 г. 27 апр. С. 2.
10. Углубление социальной дезинтеграции в 1990 г. Информационный материал. Вып. 6. М.: ИС АН СССР, 1991. С. 30-31.
11. Социальная и социально-политическая ситуация в СССР. Состояние и прогноз. М.: ИСПИ РАН. 1991. С. 122.
12. Российская газ. 1992. 19 марта. С. 1.
13. Поиск. 1992. N 12. С. 2.
14. Поиск. 1991. N 3. С. 3.
15. Аганбегян А.Г. Советская экономика — взгляд в будущее. М.: Экономика, 1989. С. 244.
16. Известия. 1992. 28 апр. С. 1.
17. Сов. Россия. 1992. 14 апр. С. 1.
18. Комс. правда. 1992. 27 марта. С. 1.
19. Гласность. 1992. 28 марта. С. 5.
20. Комс. правда. 1992. 20 февр. С. 2.
21. Комс. правда. 1992. 3 марта. С. 1.
22. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1988. С. 288.
23. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Сов. энциклопедия, 1970. С. 406.
24. Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 278.
25. Комс. правда. 1992. 9 апр. С. 1—2.
26. 50/50. Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс-Пайо, 1989. С. 143.
27. Стариков Е Маргиналы, или Размышления На старую тему: «Что с нами происходит?» // Знамя. 1989. N 10.
28. Transactions of the third world Congress of sociology. L., 1956. V. 3. P. 15, 26—27.
29. Коммунист. 1991. N 6. С. 58—72.
30. Коррекция // Моск. новости. 1992. N 19. С. 14—15.
31. Поиск. 1992. N 18. С. 1.
32. Реформы в России, весна-92 // Моск. новости. 1992. N 21. С. 9—16.
33. Моск. правда. 1992. 7 мая. С. 1.